

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Фролов В.В.

кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью и журналистики,
ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет»,
frolov1406@mail.ru

БАЛТИЙСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В 1900-е – 1930-е гг.: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Аннотация: в статье представлен анализ современной российской историографии балтийского национализма в 1900-х – 1930-х гг. Отдельное внимание в работе уделено научным трудам, в которых рассматриваются особенности культурного национализма. По итогам исследования автор делает вывод о том, что именно в первые десятилетия XX столетия национализм в странах Балтии стал постепенно набирать серьёзную силу и у данной идеологии появилось большое количество сторонников среди коренного населения.

Ключевые слова: национализм, культурная самоидентичность, национальное самосознание, дискриминация, страны Балтии.

В последние несколько десятилетий в современном мире стал наблюдаться активный рост популярности националистических и правых (ультраправых) идей. После окончания Второй мировой войны европейские националистические партии и политические объединения, использующие националистическую риторику, были в значительной степени дискредитированы в сознании народных масс, так как стали прочно ассоциироваться с германским нацизмом и итальянским фашизмом. Однако после распада коммунистического блока в Восточной Европе, а затем и СССР, в ряде восточноевропейских стран под запрет попали коммунистические партии и их идеология, а находившиеся при коммунистах на нелегальном положении националистические и правые (ультраправые) силы получили официальную возможность стать частью политической системы новых демократических государств. В отличие от коммунистов, пропагандировавших идеи солидарности трудящихся и интернационализма, националисты и национал-радикалы отстаивают принципы возрождения национальной культуры и самобытности. Для них главным является – построение мононационального государства, в котором практически всё направлено на формирование национальной идентичности титульного народа, а остальные нации и этносы должны признать и принять это первенство или же покинуть пределы данной страны.

На пространстве бывшего СССР наиболее радикальную форму национализм принял в странах Балтии и на Украине. При этом именно в Прибалтике, в 1990-е гг., национализм впервые стал фактически одним из приоритетов государственной политики. В последнее десятилетие XX столетия в странах Балтии к власти пришли силы, которые состояли практически исключительно из представителей местных титульных народов. В рамках построения независимых государств в Латвии, Литве и Эстонии эти националистически настроенные элиты, при поддержке США и ряда стран Западной Европы, приступили к реализации проектов по построению своих национальных (этнокрайских) государств. Средством реализации этих проектов была выбрана политика вытеснения значительной массы нетитульных этносов (в первую очередь русского и русскоязычного населения) за границу и ассимиляции оставшихся. Для реализации данной политики местные правящие элиты создали систему институтов и правовых норм, которые позволяют дискриминировать нетитульные народы, вытеснять их на низшие ступени социальной лестницы. Русские стали рассматриваться,

как сплошь пришлые люди, которые с пренебрежением относятся к латышам, литовцам и эстонцам, их языку и культуре. Антирусскость стала важнейшей составляющей балтийского национализма. Многовековая история русских в прибалтийских землях была фактически вычеркнута из новых учебников истории, а Россия с её стремлением защитить права русскоязычного населения стала одним из главных идеологических противников постсоветских государств Балтии.

Исходя из всего вышесказанного, на наш взгляд, следует обратить особое внимание на становление и развитие национализма в прибалтийских землях в тот период, когда эта политическая идеология стала там только набирать популярность.

Именно поэтому в данной статье мы рассмотрим, как тема балтийского национализма 1900-х – 1930-х гг. освещена в современной российской научной литературе.

Перед тем, как обратиться к реализации вышеобозначенной цели, следует отметить, что историография исследуемой нами проблемы на настоящий момент времени представлена отдельными монографическими и диссертационными исследованиями, а также рядом научных статей историков и политологов. При этом большая часть этих научных трудов посвящена становлению и развитию латышского национализма.

В монографии М.В. Кирчанова «*Zemnieki, latvieši, pilsoņi*. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии» её автор высказывает мнение о том, что именно самое начало XX столетия можно рассматривать как «идейное и организационное оформление идеологии латышского национализма». При этом, как отмечает данный исследователь, важнейшей особенностью политической идеологии латышского национализма начала прошлого века является оформление политического понятия Латвия, «сложение которого, [между прочем], констатировали балтийские немцы»¹.

М.В. Кирчанов отмечает, что в начале 1900-х гг. совершенно чётко наметилась «тенденция к росту в латышской националистической идеологии собственно националистических и консервативных элементов на этнической латышской основе». В этот период данное национальное движение начинает проявлять все больше постоянно «растущих агрессивных черт». Так, например, в газетах, выходивших на латышском языке, в 1902 г. появился цикл публикаций, в которых высказывалась мысль о том, что «немецкая нация постепенно деградирует и вырождается», и что «все немцы вскоре вовсе вымрут». М.В. Кирчанов в своём труде приводит суждение известного латышского консерватора-националиста того исторического периода Ф. Вейнбергса, согласно которому «тезис о руководящей роли немцев уже неприемлем, пришло убеждение, что их место рядом с латышами, а не над ними и теперь вопрос об отношениях немцев с латышами – это ключевой пункт латышской политической программы»².

М.В. Кирчанов уверен в том, что в начале XX в. латышский антинемецкий национализм являлся одним из важнейших идеологических компонентов политической доктрины их политических деятелей. При этом, как отмечает этот историк, данный национализм развивался в контексте декларирования политической лояльности Российской империи, политика которой воспринималась как относительно благоприятная для латышей. Так, например, в 1908 г. латышская газета «*Baltijas Wehstnesis*» писала, что латыши всеми силами должны добиваться того, чтобы оставаться под властью «этого великого и мощного государства». Латышские

¹ Кирчанов М.В. *Zemnieki, latvieši, pilsoņi*. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж, 2009. С. 152.

² Там же. С. 153.

националисты неоднократно подчеркивали, что всё чего они смогли достигнуть было сделано благодаря России, «исключительно под эгидой русского двуглавого орла», а один из основоположников и лидеров латышского национализма А. Стерсте вообще исключал возможность отделения Латвии от России и создания своего независимого государства¹.

Обращает в своём исследовании М.В. Кирчанов внимание и на то, что в рамках латышского национализма начала прошлого столетия особое место занимал культурный национализм, в рамках которого и оформилось понятие «Латвия». После этого проект «Латвия» стал рассматриваться местными националистами уже как политическая цель. Данный историк полагает, что появление и развитие культурного национализма латышского этноса было обусловлено «объективными потребностями национального развития», так как сложившаяся нация тяготеет к созданию своей национальной автономии или собственного государства².

М.В. Кирчанов убеждён в том, что новой активизации латышского национализма способствовало участие Российской империи в Первой мировой войне. Именно тогда в латвийском обществе большой популярности достигла идея латвийской независимости, которая являлась «властителем дум» латышских националистов на протяжении 1914–1918 гг. По мнению этого исследователя, начало мировой войны оказало значительное влияние на рост латышского национального самосознания и националистических идей среди латышей. Немцы были почти официально объявлены главными врагами латышского национального движения. Одновременно с этим усилились и собственно латышские националистические идеи. Отмечает М.В. Кирчанов и то, что после 1914 г. латышские консерваторы заговорили о расширении прав латышских земель в составе Российской империи и о создании собственных вооружённых сил. Такие силы были созданы в виде латышских стрелковых частей (латышских стрелков)³.

По мнению данного историка, развитие идеи создания латышской государственности стимулировалось тем, что в Европе тогда происходило образование новых национальных государств, а латышские националисты были хорошо знакомы с национальными процессами, происходившими в то время в Юго-Восточной и Центральной Европе. На этом этапе, на взгляд М.В. Кирчанова, изменилось и само восприятие государства: оно стало рассматриваться уже как важнейший центр нации, элемент её сплочения и организации⁴.

Данный исследователь в своей работе высказывает мысль и о том, что 1917–1921 гг. (период, когда Россия и Германия были крайне ослаблены и были заняты своими внутренними проблемами – *авт.*) были временем мощнейшего процесса институционализации латышского национального движения. М.В. Кирчанов считает, что именно этот исторический отрезок стал «временем триумфа латышского национализма, периодом его окончательной политизации, когда он превратился в реальную политическую силу, способную радикально изменить ситуацию на территории Латвии, вырвав её из российского политического пространства, превратив в независимое европейское государство». При этом, как отмечает данный историк, появление государственности стало началом нового этапа в истории латышского национализма, который из политического движения превратился в политический принцип, при котором этнические и политические элементы стали совпадать⁵.

¹ Там же. С. 155.

² Кирчанов М.В. *Zemnieki, latvieši, pilsoņi*. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж, 2009. С. 156.

³ Там же. С. 175.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Там же. С. 189.

В ещё одной монографии М.В. Кирчанова «Четыре модернизации: исторические преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX–XXI вв.: воображение, память, протест)» анализируются проблемы истории латышского национализма в контексте политической и культурной модернизации¹.

Этот историк отдельное внимание отводит тому обстоятельству, что рост в начале прошлого столетия собственно латышского населения объективно вёл к усилению политической роли латышского национального движения. В свою очередь численный рост латышей автоматически повлек за собой сокращение немецкого населения, которое, по мнению М.В. Кирчанова, начало терять свое политическое влияние, постепенно превращаясь в национальное меньшинство. «Немецкая “прибалтийская особая жизнь” стала постепенно уходить в прошлое».

Данный исследователь убеждён, что к 1900 г. латыши как нация уже обладали относительно сложившейся национальной культурой, творцами которой была национальная интеллигенция. «Обладея национальной культурой, латыши в первую очередь вели национально-интеллектуальную борьбу против балтийских немцев. Вторым же врагом национального латышского движения были русские националисты». На взгляд М.В. Кирчанова, к началу XX в. национальная идея среди латышей стала нормой, а «дух оппозиции царскому правительству и российскому абсолютизму ширился и проявлялся в разных формах». В Латвии было немало латышских националистов, национальное чувство стало уже достаточно «устойчивым и народным», но, в отличие от ряда других европейских национализмов, оно ещё пока не эволюционировало в сторону «национальной гордыни и национальной обидчивости». Этот историк считает, что национальное движение в латвийских землях было сильным, оно отличалось преимущественно своей политической и светской направленностью, что выделяло его из национальных движений поляков, литовцев и украинцев, где немалую роль играла церковь².

Особое внимание М.В. Кирчанов обращает на тот факт, что в начале прошлого столетия произошло не только идеологическое, но и организационное оформление латышского национального движения. При этом на данном историческом отрезке латышский национализм раскололся на два течения. Сторонники первого течения были защитниками старых порядков, заветов и традиционных устоев «коренного» населения Латвии. Другая часть националистов придерживалась более демократических (иногда даже социал-демократических) и либеральных националистических идей. Этот исследователь убежден в том, что из-за того, что латышские национальные партии были чрезвычайно неустойчивы, латышское национальное движение действовало под эгидой многочисленных совершенно легальных и что наиболее важно, жизнеспособных, организаций. При этом одной из форм организации латышского национального движения было создание обществ. Одним из важнейших среди них, по мнению М.В. Кирчанова, являлось Рижское латышское общество, которое «быстро возросло в числе и представляло из себя большое, прочное и очень полезное учреждение, состоящее из этнографической, издательской, научной и других комиссий, под эгидой которого действовал также и театр»³.

¹ Кирчанов М.В. Четыре модернизации: исторические преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX–XXI веке: воображение, память, протест). Воронеж, 2015.

² Кирчанов М.В. Четыре модернизации: исторические преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX–XXI веке: воображение, память, протест). Воронеж, 2015. С. 130.

³ Там же. С. 133, 134.

Отдельный раздел в данной монографии М.В. Кирчанова посвящён исследованию особенностей развития латышского национализма в период существования I Латвийской Республики. В частности, историк отмечает, что к началу 1920-х гг. Латвия не имела написанных в контексте «больших нарративов» синтетических версий политической, культурной и литературной истории, географии, экономики – поэтому, по мнению этого историка, перед латышской националистической интеллигенцией встала задача наделения Латвии всеми этими атрибутами нации-государства.

М.В. Кирчанов с уверенностью заявляет о том, что формой текстуального проявления латышского национального воображения в 1920–1930-е гг. был националистический дискурс. Литературные и научные, политические и публицистические тексты, опубликованные в период между двумя мировыми войнами, формировали латышский националистический дискурс, в котором отражались различные проявления и измерения, связанные с развитием латышской идентичности: националистического воображения в сфере истории, культуры, географии и литературы¹.

Данный исследователь также считает, что формой политического национализма, основанного на попытке трансплантации на латышскую почву идей корпоративизма, соединенных с идеями и ценностями более раннего латышского гражданского национализма являлась социально-политическая программа Карлиса Упитиса (одного из главных идеологов латышского национализма 1920–1930-х гг., автора книги «Направления национального рабочего движения» – *авт.*). При этом концепция К. Упитиса принадлежала большому и влиятельному в Латвии второй половины 1930-х гг. авторитарному дискурсу, основанному на отрицании идей парламентской демократии, на смену которой должен был прийти новый национализм, ставший основой недемократического режима, основанного на ценностях адаптированного к местным условиям привнесённого извне корпоративизма, который в Латвийской Республике облекался в одеяния формально мягкого авторитаризма, основанного на частичном свертывании демократических институтов и формировании местной национальной авторитарной культуры².

Политолог Н.Ю. Кузьминых в своей работе «Исторические предпосылки этнической политики постсоветской Латвии» заявляет о том, что в начале XX столетия начинает отчетливо проявляться новый этап в формировании латышей как нации, «имевший свои корни в движении младолатышей и питавшийся недовольством определенных слоёв населения по отношению к статусу немецкой и еврейской этнических групп». Этот исследователь отмечает то обстоятельство, что именно в тот исторический период латышская интеллигенция стала прилагать особые усилия к созданию национальной истории латышей, преследовавшей следующие цели: развитие национальной «самости» и выделение своей собственной идентичности из контекста соседних идентичностей. По мнению Н.Ю. Кузьминых, ярким примером проявления латышского национализма является «Воззвание к латышскому народу» (1917 г.) Латышского временного национального совета, обвинившее немцев и русских в попытке захватить латвийскую землю и призвавшее к большему участию латышей в отстаивании своих прав на создание независимого государства. В 1934 г., после прихода к власти в Латвии авторитарного режима Карлиса Улманиса, данная балтийская республика

¹ Там же. С. 248, 249.

² Кирчанов М.В. Четыре модернизации: исторические преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX–XXI веке: воображение, память, протест). Воронеж, 2015. С. 259.

отказывается от политики благосклонности к развитию культурной идентичности этнических меньшинств, проводившейся в 1920–1933 гг.¹

В статье А.П. Клемешева и И.Н. Тарасова «Прибалтика накануне и во время Второй мировой войны: дилемма независимости» её авторы отмечают, что к середине 1930-х гг. в странах Балтии устанавливаются авторитарные режимы, прекращают функционировать почти все демократические институты, активно формируются националистические организации (Isamaaliit («Отечественный союз»), Kaitseliit («Союз защиты»), Aizsargi («Охранники»), Pērkonkrusts («Громовой крест»), Ugunskrusts («Огненный крест») и др.). При этом диапазон деятельности таких националистических организаций был чрезвычайно широким: от курирования скаутских отрядов до охраны правопорядка. Как отмечают данные исследователи, в составе этих национал-патриотических формирований выделялось радикальное крыло, именно оно стало основой формирования профашистской идеологии, а его члены участвовали в еврейских погромах в Латвии и Литве. Достаточно важным, по мнению А.П. Клемешева и И.Н. Тарасова, является то, что до начала Второй мировой войны антирусские настроения в балтийских республиках не были определяющими у местных националистов, так как русские воспринимались не больше, чем «дачники», а многие офицеры царской армии приняли участие в создании национальных армий стран Балтии².

В.А. Богов в статье «Этнополитические процессы в Лифляндии в начале XX в. и их отражение в периодической печати» акцентирует внимание на том факте, что особенность остзейских губерний (административно-территориальных единиц Российской империи, созданных на территории Прибалтики – *авт.*) состояла в том, что они не были однородными по своему национальному составу. Так, например, в Лифляндии исторически проживали как минимум пять больших этнических групп: немцы, русские, латыши, эстонцы и евреи. При этом преимущества власти здесь имела лишь одна (несмотря на свою относительную малочисленность) нация – немецкая община. Русские в Лифляндии обладали властью лишь на самом высоком уровне – генерал-губернаторстве, при этом вся местная бюрократическая машина держалась на немецком языке и немцах-чиновниках всех уровней до конца XIX столетия. Латыши и эстонцы в своей основной массе относились к крестьянству и имели власть только в земских советах, что и сказалось впоследствии на их выходе в политическую жизнь³.

В своей работе данный исследователь отмечает то обстоятельство, что едва появившаяся в начале прошлого века латышская интеллигенция увидела в демократических свободах, дарованных императором Николаем II своим подданным в 1905 г., возможность выйти на политическую арену государства и поднять свой социальный статус⁴. В связи же с расширением рыночных отношений и развитием капитализма стал чётче просматриваться процесс трансформации политического поведения латышского населения этой западной окраины России. По мнению В.А. Богова, основными направлениями такого поведения стали «оформление национальной самоидентификации и развитие национальной интеллигенции»⁵.

¹ Кузьминых Н.Ю. Исторические предпосылки этнической политики постсоветской Латвии // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4-2. С. 121.

² Клемешев А.П., Тарасов И.Н. Прибалтика накануне и во время Второй мировой войны: дилемма независимости // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 12. С. 71.

³ Богов В.А. Этнополитические процессы в Лифляндии в начале XX в. и их отражение в периодической печати // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2016. № 6. С. 24.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 28.

В.А. Богов обращает также внимание и на то, что в эстонской части Лифляндии «часть туземного населения требовала на страницах своих газет полной автономии Прибалтийского края, который, [на их взгляд], было необходимо разделить на эстонскую и латышскую части». Для каждой из этих двух частей должна была быть составлена своя конституция и сформирована милиция, а чтобы всё это было проще сделать, эстонские националисты предлагали игнорировать решения российского правительства и организовать собственное национальное самоуправление¹.

Доктор исторических наук К.К. Худoley в своей статье «Балтийский нейтралитет и советский фактор в 1920–1930-е годы» заявляет о том, что в 1920-е – 1930-е гг. в Латвии, Литве и Эстонии основной государственной идеологией был национализм. Наиболее сильное проявление он имел в Литве, где А. Сметона (диктатор Литовской республики в 1926–1940 гг. – *авт.*) постоянно апеллировал к богатому историческому и культурному наследию своей страны. При этом, как отмечает данный исследователь, официальная прибалтийская пропаганда в то время прямо не говорила о национальной исключительности литовцев, латышей и эстонцев или об их принадлежности к высшей расе. «Шовинизм присутствовал у крайне правых критиков диктаторов, но не у самих диктаторов». Культурные и образовательные возможности национальных меньшинств были ограничены, но последние не подвергались целенаправленным преследованиям².

К.К. Худoley обращает внимание и на тот факт, что основная масса прибалтийских крестьян в 1920-е – начале 1930-х гг. испытывала глубокую неприязнь к старым хозяевам [немцам], а также опасалась потерять землю в случае их возврата. В Литве антигерманские настроения дополнительно подпитывались конфликтом из-за Клайпеды (Мемеля)³. Отношение к СССР, по мнению этого историка, определило «отвращение большинства населения Прибалтики к советским порядкам (политике интернационализма, созданию коллективных хозяйств, религиозным преследованиям)»⁴.

В диссертационном исследовании А.Н. Патенко «Борьба с прибалтийскими националистическими формированиями на Северо-Западе России в 1920–1940-х гг.» первая глава работы посвящена вопросам так или иначе связанным с деятельностью балтийских националистов в 1920-е – 1930-е гг.⁵.

Отдельное внимание в своей диссертации А.Н. Патенко отводит деятельности балтийских националистических и национал-патриотических организаций. В частности, он отмечает, что в 1919 г. в Латвии под благовидным предлогом борьбы с бандитизмом, хулиганством и другими криминальными проявлениями была создана «Айзсарги» (военизированное формирование, образованное по образцу финской полувоенной организации Suojeluskunta – *авт.*). Фактически эта организация представляла собой военизированную силу правительства для борьбы с революционным движением внутри страны и другими неугодными правительству силами. Одной из задач «Айзсарги» была также подготовка к вооруженной борьбе с внешними врагами в случае начала военных действий. В Эстонии же, по данным А.Н. Патенко, в этот период в большинстве уездов стали образовываться национальные военные

¹ Там же. С. 25.

² Худoley К.К. Балтийский нейтралитет и советский фактор в 1920–1930-е годы // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 6. 2012. Вып. 3. С. 89.

³ Там же. С. 91.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Патенко А.Н. Борьба с прибалтийскими националистическими формированиями на Северо-Западе России в 1920–1940-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007.

формирования, во главе с зажиточными крестьянами, хозяевами магазинов и небольших предприятий, в которые вошли многие бывшие участники отрядов «лесных братьев» периода Первой мировой войны (первые формирования «лесных братьев» в странах Балтии появились ещё во время Первой русской революции 1905–1907 гг. – *авт.*). Эти национальные военизированные формирования впоследствии получили название «Омакайтсе» («Союз самообороны»). Данный исследователь также обращает внимание на то, что именно члены «Омакайтсе» в послевоенный период составили основу построения эстонского националистического подполья¹.

В статье В.П. Сергеева «Общественные организации русского национального меньшинства в Эстонской республике в 1920–1940 гг.» её автор заостряет внимание на том, что в 1919–1920-е гг. у правительства Эстонии и значительной части эстонского общества сформировалось негативное отношение к бывшим солдатам и офицерам Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича (эта часть русского населения не скрывала своих политических взглядов на будущее, в котором в рамках «единой и неделимой России» не было места для независимой Эстонии – *авт.*), зачастую переносившееся на всех русских в Эстонской Республике. Данный историк отмечает, что в отличие от местных русских новые русские эмигранты, помимо ограничения прав политических, были сильно ущемлены и в праве на труд: они не могли рассчитывать ни на государственную службу, ни на публично-правовую. Даже частная практика для эмигрантов-юристов, врачей была запрещена. У этих людей оставалась возможность наниматься только на самую простую и тяжелую работу: добычу торфа, вырубку леса, сланцепереработку, сельскохозяйственные работы и, если повезет, на фабрику или завод. Таким образом, русские беженцы, как бывшие служащие Северо-Западной армии, так и те, кто просто прибыл вместе с ними в Эстонию, оказались в крайне тяжёлом положении. «Они умирали от эпидемии тифа, буквально косившей их сотнями и тысячами, испытывали нехватку самого необходимого для поддержания жизни и могли рассчитывать только на себя и на помощь местных русских организаций, располагавших весьма ограниченными ресурсами, в пределах которых они и стремились оказать помощь эмигрантам»².

В.П. Сергеев в своей работе не обходит стороной то обстоятельство, что хозяйственная разруха и острый топливный кризис в Эстонской республике начала 1920-х гг. побудили эстонское правительство принять решение о направлении на принудительные работы, прежде всего на лесозаготовки, «лиц без определенных занятий». В данную категорию автоматически попадали русские эмигранты, которых власти этой балтийской страны стали в массовом порядке направлять на лесозаготовки, зачастую не особенно обременяя себя заботой о предоставлении направляемым более или менее сносного жилья и питания³.

Отдельного внимания, по мнению В.П. Сергеева, заслуживает тот факт, что в I Эстонской Республике, как и в современной Эстонии, жизнь двух крупнейших национальных общин, эстонской и русской, шла как бы параллельно. Большая часть эстонской общины не интересовалась делами русской общины и имела, как правило, самое смутное или предвзятое

¹ Там же. С. 78, 80.

² Сергеев В.П. Общественные организации русского национального меньшинства в Эстонской республике в 1920–1940 гг. // Новый исторический вестник, 2005. № 12. URL: http://nivistnik.ru/2005_1/08.shtml (дата обращения: 10.03.2019).

³ Сергеев В.П. Общественные организации русского национального меньшинства в Эстонской республике в 1920–1940 гг. // Новый исторический вестник, 2005. № 12. URL: http://nivistnik.ru/2005_1/08.shtml (дата обращения: 10.03.2019).

представление о жизни и проблемах русского меньшинства, иногда даже предпочитая забывать о его существовании¹.

В статье «Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов» В.Г. Цыплин указывает на то, что в Эстонии к середине 1920-х гг. проживало около 16 тысяч русских беженцев. Часть этих беженцев не имела эстонских паспортов, а поэтому таким русским в исключительном порядке был выдан «нансеновский паспорт» (международный документ, который удостоверял личность его держателя и выдавался Лигой Наций для беженцев без гражданства – *авт.*). В настоящее время, как мы знаем, в официально независимых и демократических странах Балтии (Эстонии и Латвии) значительная часть русскоязычного населения также не имеет гражданства, являясь апатридами, а значит и обладателями паспортов «неграждан». Правда, следует отметить, что значительное число обладателей таких паспортов в то время целенаправленно не стремилось получить гражданство Эстонской Республики: «одни ждали падения советской власти в России и своего возвращения на Родину, другие же старались переместиться в традиционные европейские центры русской эмиграции»².

В.Г. Цыплин особое внимание уделяет деятельности эстонских националистических организаций на территории Эстонии в 1920-е гг. В частности, он отмечает, что перед националистическим военизированным формированием «Кайтселийт» была поставлена вполне конкретная задача: обеспечение защиты эстонского общества от советского влияния, борьба с антиправительственными силами, подавление революционного движения и борьба с коммунистами. При этом данная националистическая организация осуществляла свою активную деятельность фактически на всей территории Эстонской Республики³.

В.И. Шашков в своей статье «Советская Россия (СССР) и Прибалтика в 1930-е гг. (к истории вопроса)» высказывает мысль о том, что националистические элементы в Литве с приходом к власти в Германии Гитлера стали приверженцами нацизма, а потом и его непосредственными агентами. При этом литовский фашизм «сеял ненависть к соседним народам, насаждал одновременно и антирусские настроения, ставил, прежде всего, национальный интерес». В Латвии и Эстонии в 1930-е гг., как отмечает данный исследователь, фашистские силы также активизировались. Именно в то время, по мнению В.И. Шашкова, внешняя политика этих двух балтийских республик приняла резкий антисоветский характер и неизбежно ставила Латвию и Эстонию в полную зависимость от нацистской Германии⁴.

В статье М.А. Манкевича «Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы» её автор заявляет о том, что «на протяжении межвоенного периода (1920–1939 гг.) вильнюсский вопрос был ключевой проблемой литовской внешней политики, чрезвычайно болезненной для идеологов литовского национализма». Именно поэтому, даже в Конституции независимой Литвы Вильнюс провозглашался оккупированной столицей государства. По мнению данного исследователя, спор между Литвой и Польшей из-за Вильнюса можно сравнить с такими крупными международными конфликтами, как арабо-израильский и индо-пакистанский. М.А. Манкевич высказывает мысль и о том, что достаточно большое количество отечественных и зарубежных историков сходятся во мнении, что конфликт из-за

¹ Там же.

² Цыплин В.Г. Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов// Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения, 2016. № 2. Т. 16. С. 148.

³ Там же. С. 149.

⁴ Шашков В.И. Советская Россия (СССР) и Прибалтика в 1930-е годы (к истории вопроса)// Интерэкспо Гео-Сибирь, 2017. № 1. Т. 6. С. 18.

Вильнюса был лишь частью глобального польско-литовского противостояния, истоки которого уходят во вторую половину XIX в¹.

Этот исследователь также отмечает в своей работе, что из-за постепенного процесса полонизации и русификации литовского населения местная национальная культура к началу XX столетия сохранилась только в низших крестьянских кругах. При этом литовские дворяне, поддавшись польскому и русскому культурному влиянию, «слились с ним»². Именно поэтому, на взгляд М.А. Манкевича, первые деятели литовского национального движения, зародившегося на рубеже XVIII–XIX вв., были родом из крестьян, а литовский национализм в 1900-е – 1930-е гг. был в первую очередь направлен против поляков и русских. Но изначально (исторически) литовское национальное движение утверждало себя всё-таки как антипольское.

В рамках своего исследования М.А. Манкевич высказывает утверждение о том, что в российской исторической науке среди ряда историков сложилось мнение о том, что литовское национальное возрождение, а позже идеология независимой Литвы развивались под воздействием страха перед ассимиляцией. Национальная идеология была призвана остановить процесс биологической гибели «литовскости»³.

Доктор исторических наук Г.В. Кретинин в статье «Школьное образование в Литве и Литовской ССР (20–50-е годы XX века)» обращает внимание на то, что в начале XX века в рамках становления литовской государственности (и национальной идентичности) местным правящим элитам пришлось решать национально-демографический вопрос (этногенез литовцев на тот момент времени ещё не был завершён – *авт.*). Особое внимание в его рамках, как отмечает данный исследователь, отводилось развитию школьного образования. При этом Конституция Литвы 1922 г., определила национально-клирический характер школы. По мнению Г.В. Кретинина, католическая церковь стала в начале прошлого столетия одним из основных союзников литовских националистов. Политические силы, пришедшие к власти в Литве в 1926 г., особое внимание стали уделять внедрению в школах принципов литовской национальной (если не сказать – националистической) политики⁴.

Другой исследователь А.В. Фоменко в своей статье «Прибалтийский вопрос во внешней политике США в 1918–1940 гг.», на наш взгляд, совершенно справедливо акцентирует внимание на том факте, что Литва «в действительности не сильно возражала против советского ультиматума 1939 г.» (на территории этой республики должно было разместиться 20000 советских солдат – *авт.*) и даже приняла его с определённой радостью, так как «в обмен на ограничение суверенитета Литве было предложено получить в своё распоряжение Вильнюс вместе с окрестностями, которые населяло примерно 450 тысяч человек». Причем соотношение литовцев с нелитовцами тогда на этих территориях было один к пяти: 75 тысяч литовцев, 100 тысяч поляков, 275–300 тысяч русских и евреев. При этом, как отмечает данный исследователь, радости в то время от столь неожиданного подарка у гордых и независимых литовцев не было границ, так как в тех исторических реалиях они не могли даже «мечтать о возвращении в их руки древней литовской столицы»⁵. Именно поэтому, по мнению А.В. Фоменко, Литва и её

¹ Манкевич М.А. Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы// Балтийский регион, 2012. № 2. С. 20, 21.

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 22.

⁴ Кретинин Г.В. Школьное образование в Литве и Литовской ССР (20–50-е годы XX века)// Балтийский регион, 2010. № 3. С. 77.

⁵ Фоменко А.В. Прибалтийский вопрос во внешней политике США в 1918–1940 гг.// Вестник МГИМО – Университета, 2009. № S4. С. 321.

народ должны быть благодарны Советскому Союзу за то, что он вернул им их столицу и часть исторических территорий. Правда данный факт, как мы видим сегодня, литовские националисты «забыли» очень скоро и, по-видимому, больше не хотят его вспоминать.

В статье В.И. Блищенко «Россия и Прибалтика: поиски исторической правды» её автор отмечает, что в конце 1930-х гг. из стран Балтии была проведена массовая депортация балтийских немцев в Германию, «масштабы, экономические и демографические последствия которой вряд ли до конца оценены в настоящее время». Ещё до советизации Прибалтики правительства Латвии и Эстонии заключили соглашения с Германией о предоставлении балтийским немцам права на отъезд в Fatherland (на историческую Родину). После установления советской власти в республиках Балтии это соглашение было подтверждено и распространено на Литву. В результате до начала Великой Отечественной войны в Германию из стран Прибалтики выехали 131,2 тысячи немцев. Всё это, по мнению В.И. Блищенко, привело к практически полному исчезновению весьма многочисленной немецкой диаспоры балтийских республик и способствовало «национальной консолидации» в Прибалтике¹.

Данный исследователь убеждён, что одно из общих следствий первого периода самостоятельного существования государств Балтии – глубоко укоренившийся в сознании широких масс титульного («коренного») населения и местных политических элит национализм, который превратился в важнейший элемент официальной идеологии. При этом В.И. Блищенко выделяет следующие основные особенности национализма прибалтийских государств: не всегда оправданное самоотождествление с Западной Европой (которая, в свою очередь, всегда относилась к латышам, литовцам и эстонцам как народам «второго сорта») и политическое, идеологическое и культурное противопоставление себя даже не этническим русским, а России вообще. Этот историк полагает, что балтийский национализм зародился в первой половине XX века и уже изначально имел антирусскую направленность, а также яркую антисемитскую окраску².

В заключение следует отметить, что российские исследователи на страницах своих научных работ приходят к выводу, что именно в первые десятилетия XX века национализм в странах Балтии стал постепенно набирать серьёзную силу и у данной идеологии появилось достаточно большое количество сторонников. Главной задачей балтийского национализма в тот период времени было формирование национальной идентичности местных народов. При этом, как отмечают отечественные историки и политологи, латышский и эстонский национализм в начале прошлого столетия в первую очередь был направлен против немецкой нации (прибалтийских немцев), а только уже потом против русских. В сознании же литовцев основным врагом их государственности долгое время являлись поляки, и поэтому неудивительно, что литовский национализм изначально возник как антипольское национальное движение. Однако к началу 1940-х гг. антирусские настроения в государствах Балтии в силу широкого спектра причин сильно возросли, и в умах местных националистов Россия (СССР) становится главной «угрозой» суверенитету прибалтийских республик и развитию национальной идентичности латышского, литовского и эстонского народов.

¹ Блищенко В.И. Россия и Прибалтика: поиски исторической правды// Научно-аналитический журнал «Обозреватель – observer», 2015. № 4. С. 31.

² Там же. С. 32.

Литература:

1. Блещенко В.И. Россия и Прибалтика: поиски исторической правды// Научно-аналитический журнал «Обозреватель – observer», 2015. № 4. С. 28–43.
2. Богов В.А. Этнополитические процессы в Лифляндии в начале XX в. и их отражение в периодической печати// Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2016. № 6. С. 23–31.
3. Кирчанов М.В. Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж, 2009. 203 с.
4. Кирчанов М.В. Четыре модернизации: исторические преемственности и политические разрывы (национализм, нация и идентичность в Латвии в XIX–XXI веке: воображение, память, протест). Воронеж, 2015. 286 с.
5. Клемешев А.П., Тарасов И.Н. Прибалтика накануне и во время Второй мировой войны: дилемма независимости// Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2013. Вып. 12. С. 70–75.
6. Кретинин Г.В. Школьное образование в Литве и Литовской ССР (20–50-е годы XX века)// Балтийский регион, 2010. № 3. С. 76–84.
7. Кузьминых Н.Ю. Исторические предпосылки этнической политики постсоветской Латвии// Известия Алтайского государственного университета, 2010. № 4-2. С. 120–124.
8. Манкевич М.А. Вильнюсский вопрос в международных отношениях: историография проблемы// Балтийский регион, 2012. № 2. С. 19–31.
9. Патенко А.Н. Борьба с прибалтийскими националистическими формированиями на Северо-Западе России в 1920–1940-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург, 2007. 203 с.
10. Сергеев В.П. Общественные организации русского национального меньшинства в Эстонской республике в 1920–1940 гг.// Новый исторический вестник, 2005. № 12. Режим доступа: http://nivistnik.ru/2005_1/08.shtml (дата обращения: 20.12.2019).
11. Фоменко А.В. Прибалтийский вопрос во внешней политике США в 1918–1940 гг.// Вестник МГИМО – Университета, 2009. № 54. С. 319–331.
12. Цыплин В.Г. Советско-эстонские отношения в середине 1920-х годов// Известия саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения, 2016. № 2. Т. 16. С. 147–152.
13. Шашков В.И. Советская Россия (СССР) и Прибалтика в 1930-е годы (к истории вопроса)// Интерэкспо Гео-Сибирь, 2017. № 1. Т. 6. С. 15–19.
14. Худолей К.К. Балтийский нейтралитет и советский фактор в 1920–1930-е годы// Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 6, 2012. Вып. 3. С. 88–102.

References:

1. Blishchenko V.I. Rossiya i Pribaltika: poiski istoricheskoy pravdy // Nauchno-analiticheskij zhurnal «Obozrevatel’ – observer». 2015. № 4. S. 28–43 [Blischenko V.I. Russia and the Baltic States: the search for historical truth// Scientific-analytical magazine «Observer – observer». 2015. No. 4. P. 28–43] (In Russian).
2. Bogov V.A. Etnopoliticheskie processy v Lifylandii v nachale HH v. i ih otrazhenie v periodicheskoy pechati // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. 2016. № 6. S. 23–31 [Gods V.A. Ethnopolitical processes in Livonia in the early twentieth century. and their reflection in the periodical press // Bulletin of the Vyatka State Humanitarian University. 2016. № 6. Pp. 23–31] (In Russian).

3. Kirchanov M.V. Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Identichnost', nacionalizm i modernizaciya v Latvii. Voronezh, 2009. 203 s. [Kirchanov M.V. Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Identity, nationalism and modernization in Latvia. Voronezh, 2009. 203 p.] (In Russian).
4. Kirchanov M.V. Chetyre modernizacii: istoricheskie preemstvennosti i politicheskie razryvy (nacionalizm, naciya i identichnost' v Latvii v XIX–XXI veke: voobrazhenie, pamyat', protest). Voronezh, 2015. 286 s. [Kirchanov M.V. Four modernization: historical continuity and political gaps (nationalism, nation and identity in Latvia in the XIX – XXI century: imagination, memory, protest). Voronezh, 2015. 286 p.] (In Russian).
5. Klemeshev A.P., Tarasov I.N. Pribaltika nakanune i vo vremya Vtoroj mirovoj vojny: dilemma nezavisimosti // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2013. Vyp. 12. S. 70–75 [Klemeshev A.P., Tarasov I.N. Baltic States on the eve and during the Second World War: the dilemma of independence // Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. 2013. Vol. 12. Pp. 70–75] (In Russian).
6. Kretinin G.V. Shkol'noe obrazovanie v Litve i Litovskoj SSR (20–50-e gody 20 veka) // Baltijskij region. 2010. № 3. S. 76–84 [Kretinin G.V. School education in Lithuania and the Lithuanian SSR (20–50s of the XX century) // Baltic region. 2010. No. 3. Pp. 76–84] (In Russian).
7. Kuz'minyh N.Yu. Istoriicheskie predposylki etnicheskoy politiki postsovetsoj Latvii // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. № 4-2. S. 120–124 [Kuzminykh N.Yu. Historical background of the ethnic policy of post-Soviet Latvia // News of Altai State University. 2010. No. 4-2. Pp. 120–124] (In Russian).
8. Mankevich M.A. Vil'nyusskij vopros v mezhdunarodnyh otnosheniyah: istoriografiya problemy // Baltijskij region. 2012. № 2. S. 19–31 [Mankevich M.A. Vilnius question in international relations: problem historiography // Baltic region. 2012. № 2. Pp. 19–31] (In Russian).
9. Patenko A.N. Bor'ba s pribaltijskimi nacionalisticheskimi formirovaniyami na Severo-Zapade Rossii v 1920–1940-h gg.: dis. ... kand. ist. nauk. Sankt-Peterburg, 2007. 203 s. [Patenko A.N. Struggle against the Baltic nationalist formations in the North-West of Russia in the 1920–1940s: dis. ... cand. ist sciences. St. Petersburg, 2007. 203 p.] (In Russian).
10. Sergeev V.P. Obshchestvennye organizacii russkogo nacional'nogo men'shinstva v Estonskoj respublike v 1920–1940 gg. // Novyj istoricheskij vestnik. 2005. № 12. Rezhim dostupa: http://nivistnik.ru/2005_1/08.shtml (data obrashcheniya: 20.12.2019) [Sergeev V.P. Public organizations of the Russian national minority in the Republic of Estonia in 1920–1940 // New historical messenger. 2005. № 12. Access mode: http://nivistnik.ru/2005_1/08.shtml (access date: 12/20/2019)] (In Russian).
11. Fomenko A.V. Pribaltijskij vopros vo vneshnej politike SShA v 1918–1940 gg. // Vestnik MGIMO – Universiteta. 2009. № S4. S. 319–331 [Fomenko A.V. The Baltic Question in US Foreign Policy in 1918–1940 // Bulletin of MGIMO-University. 2009. No. S4. Pp. 319–331] (In Russian).
12. Cyplin V.G. Sovetsko-estonskie otnosheniya v seredine 1920-h godov // Izvestiya saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. № 2. T. 16. S. 147–152 [Tsyplin V.G. Soviet-Estonian relations in the mid-1920s // News of the Saratov University. New series. Series: History. International relationships. 2016. No. 2. V. 16. Pp. 147–152] (In Russian).
13. Shashkov V.I. Sovetskaya Rossiya (SSSR) i Pribaltika v 1930-e gody (k istorii voprosa) // Interekspo Geo-Sibir'. 2017. № 1. T. 6. S. 15–19 [Shashkov V.I. Soviet Russia (USSR) and the Baltic States in the 1930s (on the background) // Interexpo Geo-Siberia. 2017. No. 1. V. 6. Pp. 15–19] (In Russian).
14. Hudoley K.K. Baltijskij nejtralitet i sovetskij faktor v 1920–1930-e gody // Vestnik Sankt-peterburgskogo universiteta. Seriya 6. 2012. Vyp. 3. S. 88–102 [Khudoley K.K. Baltic neutrality and

the Soviet factor in the 1920–1930s // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. 2012. Vol. 3. Pp. 88–102] (In Russian).

BALTIC NATIONALISM IN THE 1900s – 1930s: MODERN HISTORIOGRAPHY OF THE QUESTION

*Frolov V.V.,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations and Journalism, Pskov State University,
frolov1406@mail.ru*

Abstract: *The article presents an analysis of the modern Russian historiography of Baltic nationalism in the 1900s – 1930s. Special attention is paid to the scientific works, which consider the features of cultural nationalism. According to the results of the study, the author concludes that it was in the first decades of the 20th century that nationalism in the Baltic countries gradually began to gain serious strength and this ideology had a fairly large number of supporters among the indigenous population.*

Key words: *nationalism, cultural identity, national identity, discrimination, Baltic countries*

Для цитирования: *Фролов В.В. Балтийский национализм в 1900-е – 1930-е гг.: современная историография вопроса // Архонт, 2019. № 2 (11). С. 4-17.*